

**«Взять власть иначе»:
еще одна политическая онтология
для новых времен**

HARDT M., NEGRI A. (2017). ASSEMBLY. NEW YORK: OXFORD UNIVERSITY PRESS. 368 P. ISBN 978-0-1906-7796-1.

Максим Фетисов

Кандидат философских наук, координатор Центра социальной теории
и политической антропологии им. Н. Н. Козловой философского факультета
Российского государственного гуманитарного университета
Адрес: Миусская площадь, д. 6, ГСП-3, Москва, Российская Федерация 125993
E-mail: msfetisov@gmail.com

Так получилось, что массовые выступления, начавшиеся в 2011 году в Северной Африке, оказались не одномоментным выплеском гнева, которым они могли показаться в момент своего возникновения, а лишь первыми звеньями в цепи бунтов и восстаний, продолжающих «триумфальное шествие» по планете. Лишь один 2019 год принес Францию, Гонконг, Латинскую Америку и отчасти Москву. Что сразу бросается в глаза при попытке сравнить эти движения? Каждое из них — внезапная вспышка ярости, но ни одна не привела к зримым результатам, и ни одна не вынесла на поверхность новые имена и названия, которые можно было бы назвать их олицетворением. Больше нет ни лиц, ни партий. Какое дать имя этому явлению? Движение? Слово, не очень любимое философскими грандами прошлого столетия. Даже если взять случаи, которые, как кажется, лучше всего описываются этим словом, скажем, французских «желтых жилетов», то попытки описания упрутся в стену. Какие они? Левые или правые? Какова их программа и кто их лидеры? Ни на один из этих вопросов до сих пор нет удовлетворительного ответа. Перед нами просто стена из множества рассерженных лиц. Эта новая политическая реальность не могла остаться без внимания со стороны теории. Тот факт, что летом уходящего года эта реальность ненадолго посетила Москву, вынуждает и нас осмотреться в поисках интеллектуальных интервенций, предметом которых она могла бы стать.

Вероятно, стоит вновь обратить внимание на книгу под названием *Assembly*. Этот последний на сегодняшний день продукт сотрудничества знаменитого дуэта Майкла Хардта и Антонио Негри вышел в свет осенью 2017 года. Название очередного тома (как всегда, принципиально многозначное и допускающее различные

толкования) на русский язык можно перевести и как «ассамблея», и как «собрание». Сами авторы ссылаются на весьма широкий опыт коллективных действий, подпадающих под эту категорию: от *ekklesiae* античных полисов и раннехристианских общин до законодательных или профсоюзных собраний современной эпохи, ассамблей современных социальных движений и даже «философского понятия машинного ассамбляжа, конституирующего новые субъективности» (р. ххi).

Саму книгу стоит воспринимать как продолжение трилогии «Империя» — «Множество» — «Commonwealth»¹. Исходные тезисы, изложенные в «Империи» еще на заре нового тысячелетия, двигались вслед за изменяющейся реальностью, и каждая новая книга, теперь уже тетралогии, становилась своеобразной записью, эти изменения фиксировавшей. «Империя» давала набросок новой политической онтологии, «Множество» — новых политических субъективностей, «Commonwealth» — системы общественных отношений, которым еще только предстоит появиться. «Ассамблея» в этом ряду держится особняком. Она была написана в момент, когда уже стало понятно, что «кольца змеи»², этот яркий образ новых массовых движений, найденный еще в «Империи», не ведут к своим обычным последствиям. Тем не менее весьма примечательное постоянство их возникновения требует от авторов обратить, наконец, внимание на проблему, никогда не входившую у теоретиков «радикальной демократии» в число популярных. Речь, конечно же, пойдет о далеко не новой и уже порядком набившей оскомину «проблеме организации».

Свою дискуссию авторы начинают с простого и очевидного вопроса: «Куда подевались вожди?» (р. 3). Действительно, где новые Карл Либкнехт, Махатма Ганди, Че Гевара, Мартин Лютер Кинг и Руди Дучке? Кто знает, как зовут вожаков французских «желтых жилетов»? Центральный комитет какой партии возглавил недавнее миллионное восстание в Чили? Не так просто ответить на эти и множество им подобных вопросов. Очевидно одно — что-то не так с классической картиной модерна, на которой ведомые признанным лидером либо авторитетным коллективным (чаще всего партийным или профсоюзным) руководством народные массы выступают против надоевших им режимов. Может быть, все дело в ответной жестокости властей? Казалось бы, что может быть важнее в любой политической смуте, чем выявить ее лидеров? А дальше все очень просто: «отруби голову — и тело умрет» (р. 9). Пока, однако, нам мало что известно о новых «пантеонах павших героев и мучеников» (р. 8). Роза Люксембург, Антонио Грамши, Че Гевара и Нельсон Мандела остались в прошлом веке. Но и репрессивно-полицейская логика, как мы все чаще видим, сталкивается с той же проблемой: где зачинщики, кого назначить виноватым? Та же самая судьба, по мнению авторов,

---

1. Негри А., Хардт М. (2004). Империя / Пер. с англ. И. Данилина, А. Ландера, И. Окуневой, А. Смирнова, Ю. Филиппова под ред. Г. Каменской и М. Фетисова. М.: Практикс; Негри А., Хардт М. (2006). Множество: война и демократия в эпоху Империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция; Hardt M., Negri A. (2009). Commonwealth. Cambridge: Belknap Press.

2. Негри, Хардт. Империя. С. 66.

постигла и так называемых «публичных интеллектуалов», чье слово ранее могло повлиять на расклад сил и ход событий. Публичные интеллектуалы, конечно, все еще существуют, они заметны, но не осталось никого, кто по силе слова был бы сопоставим с Сартром, Маркузе или Адорно (р. 12). Это не означает, конечно, что ученым теперь остается только замкнуться в «башне из слоновой кости», однако с мечтой о том, чтобы говорить «от имени и по поручению», придется распрощаться. Теперь им, по старым рецептам Мишеля Фуко и Жюльена Делёза, лучше следовать за движениями, выполняя при них функцию «мыслящей материи».

По завету своей главной философской звезды Бенедикта Спинозы, рекомендовавшего «не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать», авторы предлагают не сокрушаться отсутствием «настоящих лидеров» и не тратить время на партийное строительство для новых массовых движений, как полагают такие их выдающиеся коллеги, как Славой Жижек или Джоди Дин³. Вместо этого стоит попытаться рассмотреть нынешний «кризис лидерства» как симптом принципиально новой политической ситуации, опирающейся на совершенно новые онтологические основания (р. 8).

Сам институт лидерства всегда содержал в себе проблемы и внутренние противоречия. Авторы приводят в пример анализ Парижской коммуны Марксом. Как известно, коммуна, по его мнению, пала по причине своего чрезмерного, избыточного идеализма и доверия в отношении окружающего мира, если бы коммунары вели себя иначе, более реально оценивая свое положение, то судьба их сложилась бы совершенно по-другому. Но, с другой стороны, если представить, что коммунары вняли советам Маркса и проявили тот самый «политический реализм», не лишилось бы смысла само их предприятие по созданию общества настоящей прямой демократии и подлинного самоуправления (р. 4)? Ведь в этом случае получается, что коммунары, наоборот, весьма трезво и «реалистично» оценивая свою ситуацию, сознательно пошли на смертельный риск, стремясь до конца реализовать утопию всеобщего, неэсклюзивного социального порядка. Да, они проиграли, но этот проигрыш наглядно выявил все изначально зашитые в проблему лидерства противоречия и антиномии. Главное из них — это спрятанная в самой логике массового движения проблема перехода от изначальной спонтанности к организационным структурам, появление и постепенная консолидация которых неизбежно ведут к хорошо нам знакомым проблемам возникновения и довольно продолжительного существования авторитарных диктатур, чей *raison d'être* оказывается уже не слишком связан со смыслом изначального революционного события.

Таким образом, принципиальным объектом критики со стороны авторов выступает сам институт лидерства в том привычном для нас виде, в каком он успел сложиться в эпоху модерна. При этом, по их мнению, «критика лидерства не означает отказа от организации», просто это должна быть *иная* организация. От взя-

---

3. О лидерстве Жижек говорит постоянно. Характерный пример подобного высказывания см.: <https://www.newstatesman.com/politics/politics/2013/04/simple-courage-decision-leftist-tribute-thatcher>. См. также: Dean J. (2016). *Crowds and Party*. L.: Verso.

тия власти ни в коем случае нельзя отказываться, просто, как говорят сами авторы, нужно «брать власть иначе», чтобы этот захват позволил создать институты подлинной демократии, отличающиеся при этом устойчивостью (р. xx).

Начать авторы предлагают с инвентаризации «музея прошлых революций» (р. 16). Поход в этот музей обнаруживает существование странного гибридного монстра, сами Хардт и Негри называют его кентавром: тело составлено из движений восставших масс, а голова — это направляющая роль лидера в ее индивидуальной либо коллективной форме (р. 15). Именно так было устроено подавляющее большинство современных революций и социальных движений: массы являются движущей силой и источником тактических решений, тогда как уделом лидеров остаются стратегия и организация. Поэтому главная проблема практически любой из прошлых революций — «найти правильную пропорцию спонтанности и организации» (р. 16), установить правильное соотношение между революционной анархией и революционной же диктатурой. Жаркие дискуссии по «оргвопросу» и сотни страниц, исписанных по этой теме теоретиками и практиками революционной борьбы — от Ленина и Троцкого до Лукача и Розы Люксембург, — лучшее тому подтверждение. Апофеозом решения организационного вопроса выступает пресловутый «демократический централизм» — воображаемый продукт диалектики низовых импульсов, переводимых руководством в язык политических директив, затем отправляемых в обратном направлении, сверху вниз по вертикали (р. 18)⁴.

Поэтому Хардт и Негри предлагают попробовать перевернуть привычное соотношение между стратегией и тактикой. Стратегия поступает в ведение масс, а вот лидерам остается тактика: «Единственный верный способ ограничить лидерство чисто тактической ролью — это занятие множествами непоколебимого стратегического положения и его защита любой ценой. Мы должны сосредоточиться на развитии стратегического потенциала множества, иными словами, за этим должно последовать ограничение лидерства тактическими соображениями» (р. 20). Данная инверсия, по их мнению, полностью меняет всю привычную политическую парадигму (р. 22). Отныне действия множества приобретают стратегическое значение, тогда как лидерство становится ситуативным и тактическим. Также, по мнению авторов, большое значение имеет демистификация привычного понятия «спонтанности», поскольку за каждым «спонтанным проявлением» скрывается целый комплекс причин, которые необходимо выявить (р. 21). Кроме того, нужно с осторожностью относиться к перевернувшим Латинскую Америку и Южную Европу популистским движениям: несмотря на их внешнее сходство с предложен-

---

4. Важным авторским замечанием является тезис композиционного соответствия, означающий, что для революционного субъекта его политическая композиция (фактическая политическая роль) должна выступать отражением его технической композиции (фактического состава и экономической роли) (р. 17). Так, если в русской революции 1905–1917 гг. именно сконцентрированный в небольшом числе промышленных центров пролетариат мог выступать застрельщиком и определять общий облик событий, то совсем неверно ожидать, что он останется таковым в бунтах и восстаниях сегодняшнего дня, когда произошло сжатие доли промышленного труда с последующей его концентрацией в нескольких регионах земного шара.

ной авторами моделью, они придают чрезмерное значение государству и институту персонального лидерства, что почти всегда оборачивается размыванием их социальной базы (р. 23). Поэтому «партия движений», или, как предлагает Джоди Дин, «партия для глобальной толпы», не является жизнеспособным политическим выбором⁵.

Перевооружение стандартного отношения стратегии и тактики подрывает наши привычные представления о функционировании политической репрезентации. Избрание представителей традиционно выступало способом контроля и ограничения суверенного решения, подчинения его власти права. Кроме того, революционные движения придумали массу возможностей реапроприации суверенитета, изъятия его из рук правящих классов — суверенными объявлялись третьи сословие, нация, народ, диктатура пролетариата (р. 26). Однако ни одна из этих возможностей не отменяет отчуждения представителя от представляемых и унификации их голосов в единой «общей воле» с последующей «профессионализацией» и олигархизацией правящего класса, так хорошо описанными наследующей Веберу социологией политических партий. Поэтому авторы предлагают забыть Руссо и распрощаться с современным понятием суверенитета.

Критика суверенитета (который авторы, вслед за Карлом Шмиттом (р. 25), определяют как способность решать) и репрезентации как фикций руссоистской «общей воли» упирается в еще одно базовое понятие — учредительной власти⁶. Оно, как известно, в том числе и самим авторам, двусмысленно, поскольку переход от изначального, учредительного события революционной демократии в его полную противоположность, учрежденную власть закостеневших суверенных государственных структур, как правило, мгновенен и трудноуловим, примерами этого полна недавняя история (р. 33). Еще из классиков политической философии хорошо известно, что плюралистические интересы общества политически могут быть артикулированы только как нечто единое. Поэтому взятая с чисто политической точки зрения учредительная власть опасна ровно в той же степени, в какой кажется привлекательной. Следовательно, само это понятие нуждается в радикальном переопределении, которое будет состоять в переходе от его формально-юридического понимания к пониманию радикально-материалистическому. «Изобретение несuverенных институтов», о котором говорят авторы, требует их укоренения в общественной жизни. Критика учредительной власти, таким образом, означает отказ от представлений об *автономии политического*. Надежды на «возвращение политики» как самостоятельной силы, в форме ли делиберативной коммуникации на воображаемом республиканском форуме, или же в фантазматическом облике нового Господина (вроде «Тэтчер для левых», не так давно предложенной Жижекком), способного на «суверенный жест», утопичны и беспочвенны (р. 42–46).

---

5. Dean. Crowds and Party.

6. Сам Негри, как известно, ее изучению уделил достаточно много времени. См.: Negri A. (1992). Il potere costituente: saggio sulle alternative del modern. Milano: SugarCo.

Не предлагает приемлемого выхода и так называемый правый популизм. Последний, по мнению авторов, представляет собой «темное отражение» радикально-демократических движений (р. 47). С одной стороны, он — реакция на них, с другой — несомненно, очень тесно с ними связан, поскольку стремится достичь тех же целей, однако делает это негодными средствами. Первое из них — желание вернуть авторитет институту лидерства. Однако «новый вождизм», как показывают авторы, не соответствует критериям настоящего вождистского движения, выявленным еще Карлом Шмиттом. Он выступает скорее производной, искажающей изначальный смысл аффектов, управляющих множествами. Тот же Дональд Трамп, представляющий собой наиболее хрестоматийный пример правого популиста, не столько построил свое движение, сколько выявил и оседлал уже существующие массовые hopes and fears (р. 48–51). Наиболее зловещий облик это «функциональное лидерство» принимает в различных религиозно-фундаменталистских движениях, когда «вожди» заменяются по мере выбывания (р. 49). Второе неверное средство — политика идентичности, направленная на восстановление утраченной целостности, единства нации, защиты ее от чужаков и т. п. Однако утраченное единство представляет собой исключительно воображаемую конструкцию, основанную на недооценке реального конфликтного потенциала, скрытого в любом сообществе, чистоту и единство которого необходимо защитить. Нельзя проводить антиэлитную политику от имени «народа», стремясь при этом сохранить и восстановить прежние социальные иерархии (р. 41). Таким образом, новой политике необходимы новые онтологические основания. Каковы они?

Чтобы найти их, авторы, следуя Марксу, спускаются в область действия производительных сил. Именно они формируют новую материальную онтологию учредительной власти⁷. Общая рамка ситуации определена ими еще в «Империи» как «реальное подчинение труда капиталу»⁸. В таком состоянии отсутствуют пространства, не охваченные капиталистическими отношениями, и источником ресурсов для капитала становится не внешнее, еще не охваченное товарно-денежными отношениями (например, колонии или деревня), а вся тотальность общественных отношений. Перестают работать и привычные, знакомые нам по обществам модерна посредники между трудом и капиталом — национальные государства, профсоюзы, политические партии и т. д. В этой ситуации труд и капитал противостоят друг другу напрямую, делая явным тот политический конфликт, который был изначально заложен в их отношениях. Труд автономизируется. Радикально меняется и его природа: доминирующее положение в системе глобального капитализма переходит от массового индустриального труда, сконцентрированного на фабриках и заводах, к так называемому социальному труду, источником стоимости в котором становятся эмоции, аффекты и знания, теперь он опирается на то, что Маркс в Grundrisse назвал «всеобщим интеллектом». Труд, таким образом, превращается в сеть объединенных отношениями кооперации

7. *Негри, Хардт. Империя.* С. 195.

8. Там же. С. 37.

субъективностей, касательно которых капитал с его политическими надстройками в лице государств, НКО и международных организаций выступает в роли неолиберального паразита, занимающегося экстракцией ренты. Авторы часто приводят пример страницы выдачи Google, где каждый наш клик и поисковый запрос поглощается специальным алгоритмом, становясь формой постоянного капитала (р. 273). Однако полностью поглотив общество, капитал оказался в критической от него зависимости:

Те, кто (в том числе и мы сами) говорит о новом, когнитивном и коммуникативном капитализмах, нематериальном или аффективном производстве, социальной кооперации, циркуляции знаний, коллективном интеллекте и тому подобном, пытаются, с одной стороны, описать дальнейшее распространение разграбления жизни капиталом, его инвестиций и форм эксплуатации, не только на заводы и фабрики, но и на общество в целом, а с другой стороны, говорят о расширении пространства борьбы, преобразовании мест сопротивления. Мегалополис сегодня превращается в место не только производства, но и возможного сопротивления. В этом контексте капитал не может продолжать заниматься десубъективацией людей через процессы индивидуализации и инструментализации, измельчая их плоть и превращая в голема с двумя головами: в индивида как производящую единицу и в население как объект массового управления. Капитал больше не может себе этого позволить, потому что на сегодняшний день основным источником экономической стоимости является обобщенное производство субъективностей. Утверждение, что производство становится общим, не должно означать, что рабочие больше не подвергаются эксплуатации... Это просто означает, что основа производства, его центр тяжести сместились, и создание стоимости все чаще включает в себя сетевую активацию субъективностей, захват, поглощение и присвоение того, что они сообща делают в сети. Капитал сегодня нуждается в субъективностях, зависит от них... Без общего капитал не может существовать, но с ним возможность конфликта, сопротивления и реапроприации возрастает бесконечно (р. 28–29)⁹.

9. Если рассмотреть ситуацию в чисто политических терминах, то, на первый взгляд, подобная зависимость может показаться явным преувеличением. Что может противопоставить возможностям капитала (и его инструментов в лице, к примеру, государства, которое в нашем российском случае и выступает главным капиталистом), какое-то множество, которое даже на теоретическом уровне представляет собой пока скорее проблему, а не готовый политический субъект? Разве оно может что-то всерьез противопоставить реальному аппарату суверенного насилия? Однако более внимательное рассмотрение оптики, предложенной авторами в их материалистическом понимании учредительной власти, делает картину отношений между государственным суверенитетом и силами общего уже не столь однозначной. Для этого обратимся к конкретному примеру из недавней истории.

Как известно, на протяжении уже довольно длительного времени «суверенитет» рассматривается властями РФ и обслуживающим их интеллектуальным классом как несомненная и не подлежащая никакой дискуссии ценность. Предикат «суверенный» применяется ими к самому широкому кругу явлений, от «демократии» до Интернета. Однако архитектура последнего, основанная на горизонтальном взаимодействии объединенных в сеть сингулярных субъективностей, не очень хорошо отвечает традиционным представлениям о суверенитете. Чтобы устранить это расхождение, в России был принят так называемый «закон Яровой», вступивший в действие летом 2017 года. Практически сразу после этого соответствующие регулирующие и надзорные органы потребовали от мессенджера Telegram предоставить доступ к переписке его пользователей, мотивируя свое требование сооб-

Именно на понятие общего предлагают опереться авторы в разработке новой политической онтологии: «Ключевая борьба в сфере социального производства разворачивается вокруг использования, управления и присвоения общего, то есть богатств Земли и общественных богатств, которое мы совместно разделяем и которым вместе управляем. Общее сегодня все больше выступает одновременно и основанием, и главным результатом социального производства. Иными словами, мы полагаемся на общие знания, языки, отношения и схемы кооперации, а также на общий доступ к ресурсам для производства, и то, что мы производим, стремится (по крайней мере, потенциально) быть общим, то есть общественно разделяемым и управляемым» (р. xvi).

Право на общее вытеснит право собственности, поскольку именно сфера общего все более выступает основой социализации производства не только в его узко экономическом понимании, но и в куда более широком, как производство форм самой жизни. Частная же собственность из права, основанного на труде, все больше превращается в чистую форму власти: «Чем более „свободной“ кажется собственность от любого идеологического обоснования трудом, тем более абсолютной становится логика частной собственности, превращаясь в чистое господство» (р. 94). Именно конфликт между общим, от которого все больше начинает зависеть производство «самой жизни», и его ползучей приватизацией, извлечением прибыли из того, что ранее считалось безусловным общественным благом, лежащим в основе неолиберализма, породил сегодняшний всеобщий кризис управления (р. 212–217). Известная нам по работам классиков социологии рациональная бюрократия, занимавшаяся разрешением и модерацией общественных противоречий и конфликтов в рамках модерного государства (р. 125–131), сменилась основанным на извлечении ренты, приватизации и финансовой эффективности неолиберальным администрированием. Оно, в свою очередь, напрямую, без посредников, в качестве суверенной силы вынуждено столкнуться с набирающими мощь силами общего. Иными словами, «все более и более становится ясно, что собственность может и должна быть лишена своего суверенного характера и трансформирована в общее» (р. 97).

ражениями безопасности и защиты суверенитета и угрожая, в случае отказа, заблокировать работу мессенджера на территории РФ. После того, как мессенджер неоднократно отказался выполнить эти требования, ссылаясь на невозможность сделать это, и проиграл все российские суды, весной 2018 года надзорные органы приступили к его блокировке. Несмотря на все предпринятые усилия, властям РФ не удалось сколько-либо серьезно затруднить работу мессенджера на своей территории, однако при этом их действия серьезно нарушили работу ряда платежных систем, электронных сервисов и социальных сетей, — нанеся урон экономике Российской Федерации. Выяснилось, что проблему блокировки неудобного мессенджера можно решить только полным отключением интернета в России, однако экономические и прочие издержки подобного решения были бы совершенно непредсказуемы. Таким образом, под угрозой оказался тот самый суверенитет, ради «защиты» которого и осуществлялись все эти действия. Этот случай показывает пример критической зависимости традиционных, обычно привязанных к конкретной территории структур (что совершенно не отменяет действующих границ) от новых сетей «всеобщего интеллекта» и аффективного труда, отвечающих за производство того, что авторы называют «общим».

Таким образом, концепт общего помогает, по мнению Хардта и Негри, наполнить понятие учредительной власти реальным содержанием. Опираясь на подобное его понимание, авторы предлагают произвести масштабную реапроприацию институтов государства и капитала. Они даже говорят о том, что массам нужен новый Государь (р. 228), который позволит построить прочные долговременные институты и организовать жизнь на новых онтологических основаниях. Однако это должен быть Государь, построенный «снизу» (р. 78), коллективными усилиями, базирующимися на онтологической мощи множеств.

Как и все тексты Хардта и Негри, «Ассамблея» поражает в первую очередь своей визионерской силой. Однако сколь велика и общепризнана ни была бы способность авторов нарисовать портрет «альтернативного модерна»¹⁰, остаются некоторые вопросы, ответы на которые действительно важны, если плану перехода от воображения к действию вообще суждено возникнуть. Так, предложенная инверсия стратегии и тактики предполагает передачу массовым движениям функции определения стратегических целей. Однако ее реализация означает, что сфера решения, сфера проведения границ, составляющая базовое содержание политического, переходит в ведение того, что авторы определяют как множество, понятие строго имманентное. Однако, как мы помним еще из классиков политической философии, любая онтология, определяемая как политическая, может носить исключительно артикуляционный характер. Как совместить два этих плана? Не означает ли это, что главный объект критики, «принцип суверенитета» как способ проведения различий и границ, — это не только описываемый авторами «трансцендентальный аппарат»¹¹, налагаемый извне на богатство разнообразных форм жизни, но также и часть того, что раньше было принято называть «человеческой природой», обусловленная ее изначально негативным характером? Действительно, ход мировых событий подсказывает, что критикуемую авторами «автономию политического», в том смысле как ее привыкли понимать философы, можно и нужно ставить под вопрос, но как быть с иным, теологическим пониманием политики как вражды и разлома? Не чрезмерно ли оптимистическую версию политического Спинозизма исповедуют авторы, не предлагая при этом массам никакого действенного рецепта противостояния дурным страстям и темным сторонам? Сам Спиноза, как известно, не был столь однозначно благодушен по отношению к *potentia multitudinis*. Он, правда, также не успел предложить никакого пути борьбы с плохими аффектами, кроме стоического рационализма. Ясно, что предлагаемое авторами понимание учредительной власти как бесконечно расширяющегося пространства материального производства «новых форм жизни» требует переопределения наших интуиций о вещах, длительное время формировавших наши представления о политическом: о праве, о свободе, о добродетели. К этому авторы, перефразируя Спинозу, и призывают на заключительных страницах: «Мы еще не видели, что может быть возможным, когда собирается множество» (р. 295).

10. Об идее «альтернативного модерна» см.: *Hardt, Negri. Commonwealth*. P. 115.

11. *Негри, Хардт. Империя*. С. 84.

Take Power Differently: Another Political Ontology for the New Age

Maxim Fetisov

Candidate of Philosophical Sciences, Natalia Kozlova Center for Social Theory and Political Anthropology,
Department of Philosophy, Russian State University for the Humanities
Address: Miuskaya sq., 6, GSP-3, Moscow, Russian Federation 125993
E-mail: msfetisov@gmail.com

Book Review: Michael Hardt, Antonio Negri, *Assembly* (New York: Oxford University Press, 2017).